

в определении С. К. Шаумяна, не отражает именно типичности, общности фонемы для всех говорящих на данном языке и потому не совсем удачен. Мы бы предложили, не формулируя всего понятия о фонеме, считать, что фонема это не «звуковой тип», а «типовой звук речи».

* * *

Т. А. Бертагаев анализирует различные функции звуков речи и призывает к тому, чтобы изучать не сами по себе функции, а именно реальные звуки, являющиеся носителями функций:

То, что дискуссия о фонеме, поднятая на страницах «Известий Академии наук», приняла широкие размеры, говорит о большом интересе лингвистов к этому немаловажному вопросу языкознания. Не говоря о том значении, какое имеет исследование звуков для других разделов языкознания: (лексикологии и грамматики), оно имеет огромное практическое значение в вопросах преподавания, правильного произношения, в частности, звуков русского языка в национальных школах Советского Союза.

Исследование звуков речи, главным образом со стороны функциональной, к чему призывает С. К. Шаумян в своей статье «Проблема фонемы», заявляя, что «функциональная точка зрения единственно законная в фонологии» (стр. 339), отводит нас в сторону от анализа звуков национальных языков во всех их конкретных, самобытных проявлениях и приводит к отрыву теории звуков речи от практических задач их изучения. Что же значит объявить функциональную точку зрения единственно законной в фонологии? Это значит изучать звуки главным образом со стороны их смысло-различительной функции и тех признаков, которые связаны с последней, и толковать фонемы не как реальные звуки, обладающие функцией, а лишь как функцию звуков. Тем более, что, по С. К. Шаумяну, социальными или языковыми, следовательно, заслуживающими внимания лингвиста, являются только фонемы, а звуки речи — нефонемы, как чисто физические объекты, должны быть привлечены к изучению лишь только в качестве вспомогательного материала.

Мне представляется, что такому «единственно законному» функциональному изучению звуков речи должно быть присвоено особое наименование «фонологии звуков», а не фонологии⁶, последняя тут не при чем.

Фонологическое же изучение должно быть основано на единстве физиолого-акустической и функциональной сторон звуков.

Но С. К. Шаумян не оригинален по вопросу отнесения нефонемных звуков к чисто физическим явлениям. В этом случае он следует традициям, установившимся после выхода в свет трудов основоположников фонологии, в частности Л. В. Щербы, который, приводя примеры позиционного чередования звуков, пишет, что «разные оттенки наших звуков сами по себе никогда не могут дифференцировать слов или их форм, являясь лишь функцией каких-то других факторов, в первом случае — твердости или мягкости последующего согласного, в последнем — ударенности или неударенности самого гласного»⁷. Таким образом, Л. В. Щерба оставляет за нефонемами одну материальную функцию — перцептивную (по терминологии А. А. Реформатского⁸).

⁶ Очевидно, фонология С. К. Шаумяну представляется в своем роде «грамматикой» звуков, то есть системой взаимосвязи звуков, рассматривающей последние без отношения к их конкретности. В таком случае нужно изучать не фонемы, а лишь правила их взаимоотношений. Но есть ли в этом надобность? Даже если бы это понадобилось, звуки речи вначале нужно изучать как конкретные, предметные языковые явления.

⁷ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1948, стр. 18. — Но Л. В. Щерба, в отличие от С. К. Шаумяна, никогда не приравнивал фонему к ее функции.

⁸ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, Учпедгиз, 1947, стр. 11.